

Плохая мать

Автор:

Маша Трауб

Плохая мать

Маша Трауб

Маша Трауб наблюдает за реальностью глазами репортера и колумниста («Известий», «L'Officiel») и превращает повседневность в увлекательные романы и повести, скетчи и притчи. Банальное – отношения детей и родителей, мужа и жены – превращается в ошеломляющее приключение человеческих чувств. «Плохая мать» – это страстная и очень искренняя проза, где все на пределе, на разрыв аорты: любовь и ненависть, вражда и счастье, горечь и восторг.

Маша Трауб

Плохая мать

© Трауб М., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Я родила девочку. Точнее, так – я стала мамой девочки. Это совсем другое. Я – мама мальчика и могу отличить эти чувства. Девочка – это совсем твое. Она – твое продолжение, твоя кровь. Я только сейчас поняла, что это такое. Кровиночка. Я веду себя как животное – могу лишь нюхать своего детеныша, кормить и облизывать. Когда она только родилась, я закрывалась в комнате и мечтала только об одном – чтобы к нам никто не заходил. Я, словно волчица или

собака, бросалась на тех, кто меня тревожил и хотел ее забрать у меня. Я не хотела гостей, не хотела мужа, маму, сына, никого не хотела. Мне нужна была только моя девочка. Это прошло. Не до конца – я по-прежнему очень тяжело от нее отлипаю, но уже могу спокойно пережить двухчасовое расставание. Это правильно. Так должно быть. Но то ощущение я помню до сих пор, как муж помнит ощущение в ладони, когда он клал руку мне на живот.

Я стала мамой девочки. Теперь я всегда во всем буду виновата. Теперь я должна буду бросать все и бежать к ней. Теперь я буду всю жизнь бояться за ее здоровье. Теперь я буду сидеть с внуками. Теперь я поняла, насколько сильно я люблю свою маму и насколько сильно она любила меня. Чтобы это понять, мне нужно было родить девочку. Чтобы решиться написать про маму, я должна была сама стать мамой. Такой маленькой, удивительно красивой малышки, с длинными ресничками, бровками, глазками и пухлыми губками. Я смотрю на нее и умираю от счастья.

Эта книга не только о моей маме и ее жизни, но и о матерях – женщинах и даже мужчинах, которые стремились к одному: «быть хорошей матерью». Я расскажу о маме не в хронологическом порядке, а в том, в каком я вспоминала свое детство. Память так часто шутит – цепляется за какую-то незначительную деталь из настоящего, и раз – ты уже не здесь, а в тех временах, которые старалась все эти годы забыть или, наоборот, хранила как воспоминание.

Я не знаю, как воспитывать девочек. Совершенно ничего в них не понимаю.

Когда Серафиме, Симе, так зовут мою дочь, было несколько месяцев, я испугалась до обморока. Я же помню, какая должна быть грудь у младенца! Я же вырастила сына Василя, в конце концов! У Симы с грудью явно было что-то не то. Я вызвала врача.

– Что с ней? – спросила я, когда врач послушала и посмотрела малышку.

– Поздравляю, – ответила врач, – вы родили девочку. Маша, это молочная железа!!!

Я ей нужна, и это самое для меня удивительное. Когда я брала маленького сына на руки, он начинал активно дрыгать ногами и сползать с «ручек». Ему нужно

было ползать, ходить, только не сидеть на руках.

– Что? Что? Я не понимаю! Почему она плачет? – спрашивала я мужа, когда Сима хныкала. Я хватала ее на руки и прижимала к себе. Девочка замолкала.

– Наверное, она так просит, чтобы ее поносили, – сказал муж.

Мы носим ее по очереди. Оба до сих пор удивленные.

– У нее какашки черного цвета! – кричу я мужу. – Скорее дай мне телефон! Почему они черные? Это желудок! Нет, кишечник! У нее даже язык черный! Как у собаки чау-чау!

И уже с телефоном в руке, набирая номер врача, вспоминаю, как точно так же кричала девять лет назад, когда накормила сына черникой. Только тогда я была покрепче нервами.

– Я тебе вообще ничего не должна! Я тебя родила! Я твоя мать! Что ты из меня кровь пьешь?! – Моя мама стояла в коридоре, срывала с вешалки куртку, кричала и плакала.

Мама приехала рано утром в субботу. Обычно она приезжает уже после завтрака – когда мы все красивые, умытые и улыбающиеся. А тут приехала специально рано, чтобы накормить завтраком. И увидела меня, свою дочь, – уставшую, задерганную, еще не восстановившуюся после родов. Увидела внука с синими кругами под глазами, худющего и измотанного к концу учебного триместра. Увидела зятя, который в этой ранний час был похож на старую грустную панду. И маленькую девочку, свою внучку, которая, услышав незнакомые звуки, начала плакать навзрыд.

Мама ушла на кухню. Гренки сгорели, кофе убежал.

Тут прибежала я – варить кашу. Мама, решившая сварить борщ, мне мешала.

– Мам, давай ты потом все приготовишь?

Вот с этого все и началось, как начинаются скандалы в большинстве семей. С ерунды. С фразы, которую потом никто не помнит.

Мама начала ругаться. Я знала, что она кричит от страха и от бессилия – она не может мне помочь, не может сделать так, чтобы мне было легче. И вместо этого произносит банальные бабские фразы типа: «Ты знала, на что шла, когда рожала второго ребенка!»

Именно поэтому она когда-то переехала жить за город. Чтобы ненароком не вмешаться в мою жизнь. Чтобы дать мне возможность жить самой так, как я считаю нужным.

– Я не лезу к тебе со своими замечаниями, не треплю тебе нервы и не сижу у тебя на шее, – говорит она.

И никак не может понять, что я хочу, просто мечтаю о том, чтобы она лезла ко мне, трепала нервы и сидела на шее. Я по ней безумно скучаю. Так сильно, что все время с ней разговариваю. Советуюсь, рассказываю про детей, про работу. Я могу ей позвонить в любой момент. Но не нарушаю этот заключенный ею не пойми с кем, скорее с самой собой, пакт о невмешательстве в мою жизнь. Не звоню, потому что запросто могу услышать, что ей некогда или она занята, хотя совершенно точно знаю, что ей есть когда.

– Мама, почему ты мне не звонишь?

– Зачем?

– Просто поговорить.

– Тебе больше заняться нечем? Если что-то случится, я позвоню. Точнее, тебе позвонят. Ты же знаешь, я паспорт всегда с собой ношу. Чтобы легче было опознать.

– Мам, перестань так шутить. Пожалуйста. Я уже не воспринимаю такие шутки.

– Что ты от меня хочешь? Я уже старая и тупая.

- Неправда. Ты еще молодая и мудрая.

- Я уже давно ничего в этой жизни не понимаю. Не хочу понимать. Уже ничего не хочу.

Я смотрю на Симу и хочу... Хочу быть ей должна. Столько, сколько смогу. Столько, сколько выдержу. И пусть она пьет из меня кровь. Пусть всю выпьет, только не перестанет во мне нуждаться. Пусть зовет, просит, требует. Моя мама мечтала о том, чтобы я выросла сильной и, по ее собственному выражению, «не пропала в этой жизни». Я выросла сильной и теперь хочу, чтобы моя дочь выросла слабой.

- Ты меня хоть любишь?! - кричит мой сын Василий, когда я прошу его сделать то, что он не хочет, - уроки, уборку...

Дети часто об этом спрашивают. И остаются совершенно равнодушными, когда им отвечаешь: «конечно, люблю», «не говори глупости», «как ты можешь такое спрашивать?» и тому подобное. Они хотят слышать «я тебя люблю» через каждые пять минут. К ним нужно подходить и надоедать с поцелуями. Они будут отмахиваться, вытираться и говорить: «Ну хватит!» И будут ждать, когда ты снова подойдешь и начнешь чмокать в шею, в руку, в нос - куда придется.

Когда Вася был маленький, я старалась сдерживаться. Он мальчик, с ним нельзя сюсюкаться, нельзя облизывать. Сейчас я уже не сдерживаюсь. Наверстываю упущенное. Заворачиваю по вечерам в одеяло так, чтобы даже повернуться не смог, и начинаю зацеловывать. Он хохочет и вырывается.

Маленькую Симу целуют все безостановочно.

- Слушай, мы ее уже затискали, - сказала я мужу.

- А зачем мы ее рожали? - удивился он. - Чтобы целовать и тискать.

Я до сих пор спрашиваю у мамы, любит ли она меня... Она меня редко целовала в детстве. И бабушка тоже. Я была не одна такая. Вот не помню я ни одной подружки, которую мама целовала, когда та уходила погулять. Или встречала

поцелуем после школы.

- Мама, а тебя бабушка целовала? - спросила я.

- Нет... Тогда время другое было...

- Ты меня хоть любишь?

- Любишь, не любишь... я не понимаю, что это такое. Ты моя жизнь.

- А Вася?

- Вася - моя страсть.

Мне всегда казалось, что мама меня не любит. Когда заставляла мыть полы, поднимая, а не отодвигая стулья. Когда учила готовить. Когда отправляла в новую школу, в другой город, к незнакомым людям...

Только теперь я понимаю, что это была безумная материнская любовь. Только благодаря этой любви мне ничего не страшно в жизни.

Вася стоит в вестибюле роддома. Они с отцом приехали меня встречать. Вася путается в ногах и дергает ручку двери. До этого он лежал с температурой сорок. Всю ту неделю, которую я провела в роддоме. Врач сказала, что это из-за меня - на нервной почве.

- Васенька, малыш, я скоро вернусь. Потерпи еще чуть-чуть! - шепчу я в трубку. - Я тебя очень люблю!

- Я тебя сильнее люблю, - хрипит он.

- Нет, я тебя сильнее.

- Нет, я тебя.

Дома я кормлю грудью новорожденную девочку – Вася уже большой, и я прошу его выйти из комнаты и закрыть дверь. Я вижу, как он смотрит. Это мой взгляд. Муж его называет «вся скорбь еврейского народа». Мне хочется его обнять, посадить на колени и поговорить. Но на руках плачет девочка, Сима, которая не может ухватить грудь.

Вечером Вася застывает в проеме двери.

– Что ты хочешь? – спрашиваю я. – Сима только-только уснула.

– Ты... можешь полежать со мной?

– Ты же уже взрослый! – говорит муж. Он страдает оттого, что не может лактировать, и на время кормления вынужден выпускать дочь из рук.

Вася уходит. Он не плачет. Плачу я.

Вася нашел своего старого медвежонка и обнялся с ним. Я ложусь, прижимаюсь.

– Ты меня хоть любишь? – спрашивает он.

– Ты моя жизнь, – отвечаю я.

– А Сима?

– И Сима.

– А кого она будет любить больше всех?

– Тебя. Только ты ее тоже люби.

Вася достает сестренку из коляски и, внимательно глядя ей в глаза, говорит: «Я твой старший брат. Я тебя люблю».

* * *

Все говорят, что дочь похожа на папу. Но когда она поворачивает голову так, чуть с наклоном – становится копия бабушки. То есть прабабушка. Я это вижу. Это увидела и мама. Она взяла ее на руки и прижала. Так крепко, что я думала – раздавит. Она ей что-то прошептала на ушко. Я не стала спрашивать что. Она часто уходит в себя. Мне кажется, что она до сих пор ругается с бабушкой. Или не ругается, а рассказывает ей про правнуков.

Говорят, что детей и внуков любят одинаково. Ничего подобного. Мама сделала свой выбор – она любит Васю и не скрывает этого.

«Я все равно будут любить тебя больше всех», – услышала я недавно, как она шепчет внуку.

– Больше, чем Симу? – удивился он, привыкший к тому, что я не выделяю одного из детей.

– Да, тебя – больше всех, – твердо и уверенно заявила мама.

– Почему? – ошалел от радости Вася.

– Потому что ты – мой внук. Ты – мужчина. Ты – глава семьи. Ты – талант. Ты – продолжение моего рода.

Мама говорит это так торжественно, так... даже страшно... меня передергивает от волнения.

* * *

Мама была третьим ребенком, которого родила бабушка. Первый – мальчик – умер сразу после родов. Вторая, девочка Лида, была совершенно чудесной. Доброй, улыбчивой, ласковой. Любила возиться с тестом – усердно раскатывала маленькие кружочки, придавливала их пухлой ручкой и лепила, открыв от старательности рот, пирожки. Она и сама была такая серьезная, основательная и очень правильная – с пухлыми румяными щечками, косичками... Таких называют «мамина радость», по-другому не скажешь. У Лидочки был даже свой личный фартучек с яблочком и маленькая скалка. Лида умерла от пневмонии. В больнице не было лекарства. В соседней, куда привезли, тоже. До города уже не

доехали. Девочке было три года.

Потом родилась моя мама, Ольга, – полная противоположность Лиде. Мама была упряма и неуправляема. Дерзила, хамила и кидалась в драку. Терпеть не могла заниматься домашним хозяйством – ей было проще разбить тарелку, чем помыть. Бабушка гоняла ее по двору то крапивой, то мокрым вафельным полотенцем. Без толку. Мама все равно делала так, как считала нужным. Характера ей было не занимать. Тогда для девочки это считалось чуть ли не приговором – как такая замуж выйдет? Кто возьмет?

А потом родился сын – Костик. Бабушка чуть не умерла от счастья. Мальчик был золотой – умный, красивый, талантливый. Еще в роддоме все ахали – вырастет, девки будут хороходы вокруг него водить! Он таким и вырос: первый парень на деревне – лучше всех плавал, больше всех отжимался, круглый отличник. И руки золотые – все мог сделать. И добрый. И вообще таких идеальных не бывает...

Но бабушка только во вторую очередь была матерью, а в первую – профессионалом. Всегда делала выбор в пользу любимого дела. Она работала редактором в районной газете и больше всего любила писать «подвальные» репортажи под рубрикой «Письмо позвало в дорогу».

Она жарила детям таз пышек и уезжала на три-четыре дня. Пышки кончались в тот же день, и мама вставала к плите – кормила себя и брата. Приезжала бабушка и кидалась к сыну. Похудел? Не болен? Как дела? Маме доставались упреки за плохо вымытый пол – стулья надо поднимать, а не отодвигать. Бабушка, пока не остыли впечатления от поездки и картинка перед глазами еще яркая, садилась писать репортаж. Ничего, кроме своей старенькой машинки, вокруг не видела и не слышала. Мама продолжала кормить и обстирывать уже не только себя и брата, но и маму. Ставила рядом с машинкой тарелку с нехитрой едой – сыром, хлебом, помидорами. Бабушка машинально ела, не чувствуя ни вкуса, ни запаха.

Костика провожали в армию всем селом. Бабушка-фронтовичка надела ордена и накрутилась на бигуди. Любимая девушка плакала и обещала ждать. Мама не успевала носить тарелки. Костик уходил служить на флот. Сам попросился. Хотел служить именно три года, а не два. И там, где труднее всего.

Прислал фотографию – высокий, загорелый, веселый, в тельняшке, – он стоит и держится за мачту, или как там у них это называется. Через год службы пришла телеграмма. Костик погиб. Утонул.

Но это было даже не самое страшное. Страшно было то, как бабушка об этом узнала.

Где-то там, в армейской канцелярии, ошиблись адресом. И телеграмма пришла в другое село. Там хорошо знали бабушку. Но не знали, как ей сообщить. Не по почте же пересылать – нехорошо. Надо по-человечески, аккуратно. Да и быстрее получится. Пока решали, собирали делегацию, сарафанное радио донесло до бабушкиной редакции – в соседнее село пришла телеграмма. Там у них погиб парень. На флоте. Гордость села.

Один-единственный за всю историю района пошел служить на флот, и вот такая трагедия. Бабушка побежала за шофером – быстрее ехать туда, писать репортаж о герое, о его семье, разбираться, что случилось.

Даже когда ей телеграмму показали, она не сразу поверила, что это про ее Костика. Нет, не про него. Про другого парня. А ее мальчик недавно фотографию и письмо прислал, и у него все хорошо. Это тоже наша семейная, передающаяся по женской линии черта – мы впадаем в состояние то ли транса, то ли комы после пережитого стресса. Я после периода неприятностей сплю сутками. Мама сидит и молчит, дремлет. Несколько дней подряд. Как и бабушка.

После получения телеграммы о смерти сына бабушка как будто впала в кому. Шофер довез ее до дома, подвел к воротам, передал буквально с рук на руки дочери. Бабушка надела свой любимый старый халат, тапочки со стоптанными задниками и, никому не сказав ни слова – мама бегала за лекарствами, – пошла через все село к своей старой подруге Варжетхан. Села во дворе на ее любимый складной стульчик под старым тутовым деревом и замолчала.

Варжетхан увидела ее в окно. Она знала – что-то случится. Чувствовала. Еще раньше знала, когда Костик уходил. И все это время корила себя за то, что не остановила парня. Не предостерегла. Хотя что она могла сделать? Старая гадалка. Он бы ее не послушал. Не верил ни в ее бобы, которые она бросала, чтобы узнать будущее, ни в карты, ни в интуицию, которая у Варжетхан была посильнее бобов и карт.

- Что ты здесь? – спросила Варжетхан по-осетински, выйдя во двор.

Удивительно, но бабушка, много лет прожившая в Осетии, так и не заговорила по-осетински, хотя все понимала и спокойно читала и писала на этом языке. Варжетхан, когда волновалась или когда было важно, переходила на родной язык. Бабушка отвечала ей по-русски. В этот раз не ответила.

- Посидишь? – спросила подругу Варжетхан. – Ну посиди, посиди.

Бабушка не ответила.

- Эй, чтобы тихо здесь было! – прикрикнула сразу на всех обитателей двора гадалка и, что-то бурча под нос, пошла в дом.

У бабушки были пустые, как будто налитые водой глаза. Две глубокие борозды, как будто выжженные слезами, шли от уголков глаз по щекам. Губы побелели и проваливались в черноту рта.

Варжетхан вышла во двор к вечеру. Кивнула одной из молодых соседок – дальней родственнице, мол, стул принеси. Села рядом с бабушкой.

- На, поешь, – сказала она.

Варжетхан отломала маленький кусочек пирога и вложила его в рот бабушки. Бабушка прожевала. Так она ее и кормила – кусочек курицы, кусочек помидора. Бабушка послушно открывала рот и жевала.

- Ну вот, хорошо, – кивнула Варжетхан, – ноги у меня совсем болят. К дождю, наверное. Надо песку купить – на варенье. Мешок сразу взять, как считаешь?

Варжетхан сидела и по-осетински рассказывала бабушке о своих ногах и заботах. Бабушка молчала и смотрела в даль. Мимо по двору бегали дети, женщины носили юлу из колонки, развешивали белье... Украдкой они бросали взгляд, но никто не решался подойти, пока Варжетхан сама не позвала. Старуху все не только уважали, но и побаивались.

– Поздно уже. Домой не ходи. Пойдем, у меня ляжешь, – сказала Варжетхан, тяжело поднимаясь со стульчика. Она кивнула родственнице – «приготовь постель».

Тут во двор влетела моя мама, которая к тому моменту успела обежать всех соседей. Наконец кто-то сказал, что видел, как бабушка шла по улице Ленина. Значит, к Варжетхан.

– Мама, мама! – кинулась к бабушке моя мама.

Бабушка даже не повернула головы. Мама остановилась как вкопанная.

– Пусть у меня побудет, – сказала маме Варжетхан, – иди домой.

– Мама...

– Где Костик?! – неожиданно крикнула бабушка, схватив дочь за руку.

– Мамочка... – заплакала мама.

– А?! – крикнула бабушка. – Костик дома?

На крик сбежались женщины и загалдели – кто-то нес воду, кто-то опять усаживал бабушку на складной стульчик.

– Где Костик? Где Костик? Ольга, где твой брат? – продолжала кричать бабушка, выглядывая из-за спин женщин.

Мама сидела под тутовым деревом и плакала, вздрагивая всем телом от каждого крика.

– А ну замолчите все, – сказала по-осетински Варжетхан. Сказала очень тихо. Женщины враз смолкли.

Варжетхан подхватила бабушку под мышки, как грудного ребенка – аккуратно, но крепко и твердо, и повела в дом. Откуда у этой женщины, которая без палки

не могла стоять, взялись силы – неизвестно.

– Где Костик?! – продолжала кричать бабушка. Так кричат люди, потерявшие слух.

– Пойдем, пойдем, – уводила ее Варжетхан.

– Где мой сын? Ольга, скажи, где он? Почему ты молчишь? Ольга!

Бабушка провела у Варжетхан три дня. Гадалка заваривала травы, читала молитвы, бросала бобы. Подходила, поила подругу отварами, кормила с ложки. Бабушка лежала в той же позе, в какой ее положили в тот вечер. Лежала и молчала.

– Все, вставай, – подошла к ней Варжетхан на третий день.

– Не хочу, – ответила бабушка.

– Кто тебя спрашивает – хочу, не хочу. Вставай. У тебя есть дочь, внучка будет. Вставай.

– Какая внучка?

– Мария, Ольга в твою честь назовет.

– Что ты говоришь? Кто Ольгу замуж возьмет? Не морочь мне голову.

– Я гадалка, ты что, забыла?

– Какая ты гадалка? Ты просто очень давно живешь на этой земле.

– Вот поэтому я тебе говорю – у тебя будет внучка, которую Ольга назовет в честь тебя. И не спорь со мной. Все, иди.

– Я не хочу. Можно, я у тебя еще побуду? И дай мне тот отвар, от которого я засыпаю.

- Нельзя больше. Хватит. Иди, - сказала Варжетхан и вывела бабушку во двор.

- Почему ты меня не предупредила про Костика? - обернулась бабушка. - Ты ведь знала, чувствовала. Почему не сказала?

Варжетхан махнула рукой и начала шептать молитву по-осетински.

Бабушка тогда не поседела - поседела она еще на войне, а облысела. Волосы выпадали клочьями.

Сохранилась фотография - мужчины пытаются закрыть гроб, бабушка не отпускает тело сына из рук, а мама тянет бабушку за руки назад. Бабушка хочет туда, к сыну, крепко обнять и лечь рядом с ним, а моя мама - ее дочь - как будто просит остаться, оттаскивает, прижимает к себе, умоляет жить. Не знаю, чья это была идея - снимать похороны, и почему именно эти фото сохранились, хотя пропали многие другие. Так вот на всех фотографиях бабушка смотрит на покойного сына, а моя мама - на бабушку, и ни разу - на брата.

Бабушка тогда перестала работать. Ее больше не звали в дорогу чужие письма. Она ушла в типографию, каждый день приходила туда рано утром, в горячий набор, - сидела и смотрела, как машины укладывают на бумагу буквы. Бум-тудум. Бум-тудум. Под эти звуки ей лучше вспоминалось - как Костик упал с велосипеда, а потом еще раз, и на коленке остался шрам. Как Костик ложился спать с грязными ногами, как он пил какао и не вытирал «усы», а облизывал языком, а она ругалась...

Мама готовила, убирала, полола грядки, собирала черешню и возила продавать на рынок и работала вместо бабушки. Ездила и писала репортажи. Правда, выбирала соседние села, чтобы мать не заметила. Подписывалась она именем и фамилией матери. Непонятно для чего. В редакции и так все все знали. Героям репортажей было все равно. А бабушка ничего не замечала.

- Мама, так нельзя, - уговаривала мама бабушку.

- Почему именно ты осталась? Не они, а ты... - прошептала бабушка.

А еще через несколько месяцев на почту пришла посылка от сослуживцев Костика. Бабушка о посылке ничего не знала – ей мама не сказала. Врачи тогда сказали, что бабушкино сердце не выдержит еще одного удара.

Все вещи из той посылки много лет хранились у нас дома, где бы этот дом ни находился. Мама таскала их за собой в надежде потерять или забыть. Но они странным образом не терялись и не забывались. До сих пор стоят на полках.

Огромная рогатая раковина. Когда я была маленькая, то прикладывала ее к уху и слушала море. Потом мама сделала из нее пепельницу, а чуть позже использовала как косметичку – хранила в ней золотые сережки и цепочку. Да, еще она служила копилкой для мелочи. Потом мама ее хорошенько отмыла и опять поставила пылиться на полку в шкаф.

А еще был морской дракон. Я его боялась до жути. Это было морское чудовище – правда, не знаю, как оно называется, – с хвостом, раскрытой пастью и острыми зубами. При переездах мама обкладывала его ватой или заворачивала в несколько слоев газеты. Чудище морское благополучно переживало перелеты и продолжало скалиться на новом месте.

* * *

Мама меня будит очень рано. На улице еще темно.

– Вставай, в электричке поспишь, – шепчет она.

Я капризничаю. Она не ругается, не сердится, а смотрит на меня так... как будто ей очень больно. Мы выходим из дома, в котором провели ночь. Эту комнатушку с одной продавленной кроватью – спали валетом – нам сдала хозяйка из жалости. С условием, что уедем рано. В ее саду мама срывает яблоко с яблони и протягивает мне. В кармане платья есть еще две баранки, которыми вчера угостила хозяйка. Яблоко и баранки – завтрак и обед.

Я до сих пор в подробностях не знаю, что тогда случилось у мамы. Она работала на торговой базе юристом. Все было хорошо, пока начальника отдела не нашли в кабинете вместо люстры – он повесился на крюке, вмонтированном в потолок. Недостача, ОБХСС.

– Пиши заявление по собственному, – сказал маме непосредственный начальник, – сейчас же. Она написала. Через два дня начальника забрали и посадили на восемь лет. И все знали, что он невиновен, но с того, который мотылялся под потолком, взятки гладки, а для отчетности нужен «козел». Мама, вдова с двадцати восьми лет, тогда осталась совсем без денег и без работы с маленьким ребенком на руках. И занять было не у кого. Мама сидела, курила одну за одной сигареты и смотрела в одну точку.

– Мы умрем? – спросила я.

Мама не ответила.

– Поехали, – вдруг как очнулась она.

Мы ехали на автобусе, потом на частнике, которому было по дороге. Потом переночевали в поселке, заплатив последние копейки за продавленную кровать, и теперь должны успеть на электричку.

– А куда мы едем? – спросила я.

– К моему отцу, – ответила мама.

– У тебя был отец?

Эта родственная связь в нашей семье отсутствовала. Был дед, который муж бабушки. Был еще один дед, который... ну, дед, и все. Поэтому я очень удивилась, когда мама сказала, что мы едем к «ее отцу».

Как бы рассказать покороче... Эта история, с одной стороны, обычная, таких много было после войны, а с другой – удивительная. Хотя бы тем, что случилась она только из-за любви. Очень сильной любви мужчины и женщины.

Моя бабушка – коренная москвичка. Умница, красавица. Подающая надежды молодая журналистка, которая мечтала о писательской славе. С будущим мужем познакомилась в литературном кружке – высокий блондин с голубыми глазами, которого звали Иван, писал патриотические поэмы. В их литкружке его называли вторым Маяковским.

Началась война. Она никогда не рассказывала, почему не поехала в эвакуацию, а попросилась на фронт – корреспондентом. Говорила, что не могла поступить иначе. Родина была в опасности. А законный муж остался в Москве.

Бабушка писала про героические атаки советских воинов. Была и санитаркой, и телеграфисткой, и зенитчицей. Пережила обстрел, была контужена. Слух так до конца и не восстановился – правым ухом она ничего не слышала.

Где-то там, очень далеко от столицы, она встретила Георгия – мужчину своей жизни.

Бабушка не дошла до Берлина. Ее война закончилась на Кавказе – есть медаль за оборону. Там, где жил Георгий. Там, где она осталась, провожая поезда, идущие в сторону Москвы.

Она ведь все знала. Что в том маленьком теплом селе, откуда он родом и куда должен вернуться, его ждут жена и двое детей. И он их никогда не бросит. Потому что не имеет права.

А она хотела просто быть рядом с любимым человеком. Ей было все равно, в каком качестве.

Село бабушке понравилось. Быстро нашлась работа – в местной газете, и жилье – редакционная квартира. Все село гудело, но только эти двое – русская москвичка и осетин, естественно, князь, из древнего уважаемого рода, ничего не слышали и не видели, кроме друг друга. Удивительное дело – старейшины села сказали: «Пусть живут так, раз такая любовь. Нельзя мешать». И село замолчало.

А в Москве бабушку ждет законный муж. Разыскивает, пишет запросы. И через год находит, соскочив с поезда на перрон этой сельской станции, на которой поезд стоял всего две минуты.

Иван начал искать редакцию, надеясь, что, если в селе есть газета, значит, там он найдет жену. И не ошибся. Бабушка даже не удивилась, увидев мужа. Просто сказала, что зря приехал, что она любит другого и ни в какую Москву возвращаться не собирается – ей и тут хорошо. И вообще, газету надо в тираж

подписывать. По законам жанра Иван должен был вернуться в столицу и жениться на другой женщине, нарожать много детей и только иногда, когда выпьет, вспоминать о той, своей первой любви. Но сделал то, чего от него не ожидала даже бабушка. Он кинулся ей в ноги и попросил разрешения жить с ней. Просто быть рядом. Просто любить. Моя бабушка пожала плечами – мол, пожалуйста, живи на здоровье. Видимо, это она от неожиданности разрешила. А еще через полгода у нее родилась черноволосая девочка – моя мама. И все село знало, что настоящий отец – Георгий, а не Иван. А девочка – Ольга – ну настоящая осетинка.

Но Иван даже после этого не бросил жену, а записал эту красивую, но совсем чужую ему девочку на свое имя. Признал отцовство и дал ей свою фамилию и отчество. Старейшины села пооткрывали от удивления рты и ничего не сказали.

Бабушка при первой возможности уходила в редакцию, поскольку дома находиться не могла. Иван не работал и не собирался, пил местный самогон, страдал от любви и говорил, что жена сломала ему жизнь. А настоящий отец моей мамы – Георгий – содержал их семью, включая Ивана, потому как денег, которые зарабатывала бабушка, хватало только на «булавки». Законная жена Георгия – Зарина – часто брала малышку к ним в дом. Потому что ребенок ни в чем не виноват и потому что муж радовался. Но полюбить ее не смогла. Кормила, относилась к ней как к родным детям, но не любила.

Еще через два года бабушка родила сына – мальчика с голубыми глазами и светлыми волосиками, которого называли Костиком. И опять в селе все знали, кто отец, – Иван. Костик – просто как под копирку.

А потом Иван пропал. Собрался и уехал в один день, как будто его и не было. Бабушка помыла полы в доме водой из колодца, как после покойника. Никто ничего не понял. Даже всезнающие соседки.

Я ведь хорошо помню Георгия – он всегда дарил мне подарки и называл на местном наречии «дидина», цветочек. Пожилой высокий мужчина, который так внимательно на меня смотрел, как будто хотел дырку прожечь. Законного «дедушку» я никогда не видела.

– А зачем он нам нужен? – спросила я маму.

- Возьмем у него денег.

- А он даст?

- Даст. Пусть попробует не дать.

- А у него есть деньги?

- Если нет, то достанет.

Я очень боялась, когда мама говорила таким тоном. Как будто это была не она, а совершенно другая женщина.

Все эти годы мама, переехавшая в столицу, посылала в село деньги. Бабушка их не тратила, а копила на сберкнижке. А потом неожиданно на счете осталась странная сумма – ноль рублей, десять копеек. Бабушка тогда холодильник хотела купить, к маминому приезду. Но пришлось брать напрокат.

- Посиди тут на лавочке, – сказала мне мама.

Мы приехали в очень красивый дом отдыха. Все говорили шепотом, и вкусно пахло едой – я сидела напротив кухни.

- Мам, я кушать хочу. Очень, – сказала я.

- Потерпи еще чуть-чуть, – попросила она и ушла.

Она появилась в конце тропинки. Рядом шел мужчина. Его лицо можно было бы назвать красивым, если бы не уголки рта, которые были опущены вниз, отчего казалось, что он всем недоволен. Мама шла молча, а он бурно жестикулировал. Я вскочила с лавочки. Мама сделала мне знак глазами, чтобы я не подходила.

- Ты пойдешь и снимешь деньги, – сказала она мужчине.

– Не пойду. У меня книжки с собой нет, – ответил он капризно, с вызовом.

– Пойдешь... Почему? У меня ребенок тут сидит голодный, а в сумке нож. Ты меня знаешь. Я и зарезать могу. Тогда я тебя пожалела, а сейчас вряд ли.

Мужчина изменился в лице – ему страшно. Он ведь не знал, что никакого ножа в сумке нет.

– Ты, ты... хулиганка! Я сейчас милицию вызову! – Он хочет закричать, но говорит шепотом. Кажется, что он шипит. Я вижу, как он брызгает слюной. Мама морщится и вытирает щеку.

– Вызывай, – говорит она, – ты забыл, что я юрист по образованию. Законы хорошо знаю. И связи у меня в Москве... Вызывай. И через пять минут ты будешь сидеть не в своей комфортабельной палате, а на нарах.

– Ты не посмеешь! Ты меня шантажируешь! У меня семья! Я старый больной человек!

– У меня нет времени. И ребенок голодный.

Мама зашла ему за спину и стала шептать уже в ухо. Мужчина неестественно выгнулся, побледнел и закивал головой. Только после этого мама отошла от него.

Мужчина ушел и вернулся минут через сорок. Все это время мама сидела на лавочке и раскачивалась из стороны в сторону. В руках у нее была обломанная ветка дерева, которую она приставляла вместо ножа. Я боялась даже пикнуть.

Мужчина подошел к нам и брезгливо протянул пачку денег. В последний момент он специально уронил деньги на землю.

– Сучка черножопая, – прошептал он, – ублюдочная сучка.

Деньги разлетелись по дорожке. Я упала на колени и начала собирать купюры. Мама развернулась и сильно толкнула мужчину в грудь. Он от неожиданности упал на землю. Мама наступила ему ногой на горло и надавила.

- Я тебя убью, - спокойно сказала она и придавила ступней.

Мужчина захрипел. Под ним по асфальту растеклось мокрое пятно.

- Mamочка, не надо, я уже все собрала, - подошла я к ней. Так страшно мне еще никогда не было. Хотя тому мужчине было еще страшнее.

- Скажи спасибо, что здесь ребенок, - сказала мама и убрала ногу.

Мужчина закашлялся и начал отползать с дороги.

Назад мы ехали на машине. До этого мама накормила меня в самом красивом кафе. Сама не проглотила ни кусочка.

- Mam, а это правда твой отец? - спросила я. - Он совсем не похож. На нас.

- Формально да, отец, - ответила она.

- А мой отец правда умер?

- Правда.

- Формально или по-настоящему?

Мама прикурила новую сигарету и не ответила.

- А что он сделал? Этот... мужчина, который твой отец... он нам был должен? - опять спросила я.

...Иван в тот день напился и избил жену, беременную от Георгия. Долго бить не пришлось. После второго удара в живот у нее открылось кровотечение. Ребенка она потеряла. В ту же ночь Георгий пришел Ивана убивать. Бабушка только покачала головой: не надо. Иван знал, что ему нужно уезжать. Подальше. Желательно в другой город. Перед отъездом он взял сберкнижку и снял все деньги - сказал, что жена в больнице, сама не может, а срочно нужны деньги на лекарства. Кассирша не устояла перед обаянием мужчины... В общем, деньги

отдала.

Это я узнала, уже став взрослой. А тогда мама сказала:

– Ты будешь работать, стоять на своих ногах. Будешь уметь делать все – готовить, вбивать гвозди, выкладывать печку, шить, вязать, клеить обои... Ты будешь уметь зарабатывать. Не будешь ни от кого зависеть. Я тебе дам все, что смогу. От тебя требуется одно – ты будешь искать не мужа, а отца своим будущим детям. Ты выйдешь замуж за мужчину, который будет просить тебя родить ребенка. И будет готов снять с себя последнее исподнее ради вас. И будет смотреть на вас и плакать от счастья. Ты меня поняла?

Я кивнула, хотя не поняла ни слова.

– Я не останусь здесь! Ни за что! – кричала мама в год окончания школы. – Не буду работать в твоей редакции! Мне не нужна такая жизнь! Я все равно уеду!

Мама всегда была самостоятельной девицей. Она написала несколько рассказов и отправила их в Литинститут. Ей было все равно, куда поступать. Лишь бы уехать. Из деревни, которую она ненавидела так же сильно, как любила бабушка. Из Литинститута пришло приглашение на собеседование. Мама думала, что бабушка обрадуется. Но бабушка почему-то расплакалась и ехать запретила.

– Почему? Объясни! – спрашивала мама. – Только потому, что тебе это не удалось? Из зависти?

Мама попала в точку, хотя тогда это качество – видеть подноготную – в ней не было так развито. Бабушка просто обиделась. За то, что дочь сделала все втайне и не дала даже почитать посылаемые рассказы. За то, что не посоветовалась, а поставила перед фактом.

Мама решила поступать не в Литинститут, а на юрфак. Потому что поэтам и писателям платят время от времени, а юристам – регулярно.

– Люди всегда будут разводиться, делить имущество и ненавидеть друг друга, – говорила мама, – я без куска хлеба не останусь, а творчеством сыт не будешь.

– Ты хоть понимаешь, что это не село, а столица. Москва. Ты уверена в своих силах? – пыталась осадить прыть дочери бабушка.

– Мне терять нечего, – ответила мама, – здесь я все равно не останусь.

Мама давно решила, что уедет «в город» любым способом. Только поэтому она стала играть в шахматы – их сельский кружок вывозили на соревнования. К тому же там, в городе, их кормили пирожками и поили сладким чаем. Сколько влезет. Чем быстрее поставишь мат, тем больше пирожков достанется. За победу давали торт. Для очередного турнира торт сделали невиданный – трехъярусный, с кремовыми цветами, шоколадной крошкой. Мама тот турнир выиграла. И съела сразу два огромных куска. Прямо из здания школы ее увезли в больницу – организм, привыкший к полуголодному состоянию (они, послевоенное поколение, никак не могли наесться), не выдержал. Она до сих пор если и привозит торт, то большой, с непременными розочками. И никогда не съедает ни кусочка. Ей оставалось совсем немного – получить первый разряд и стать гроссмейстером. Тогда бы ее отправили в Москву.

Гроссмейстером она не стала, потому что ее «украли» по местной горной традиции. Сын председателя колхоза – завидная партия.

– Успокойся, ребенка родишь, тогда не до игрушек будет! – говорил он, запихивая «невесту» в машину.

Но пока мама сбегала из дома жениха, отказывалась прыгать с обрыва в Терек, чтобы смыть позор, турнир закончился.

Бабушка пошла к Георгию – спросить, что делать...

– Пусть едет, – неожиданно встал на сторону дочери тот, – можешь – помоги. Не можешь – не мешай. Позвони Александру. Он не откажет.

Так в жизни мамы появился Александр Маркович.

Московская квартира была давно продана, жить маме было негде. Александр Маркович познакомился с бабушкой во время войны – бабушка лежала в госпитале, а он выступал там с творческой бригадой – пели и играли для раненых.

А потом они неожиданно столкнулись в «мирной жизни» – бабушка должна была взять интервью у музыканта, приехавшего из Москвы с гастролью по тем местам, где шли бои (она даже заранее придумала заголовок «Человек-оркестр»), и узнала в нем своего давнего знакомого. Разговорились. Александр Маркович гостил в доме у Георгия несколько дней. С тех пор они поддерживали связь – отправляли друг другу поздравительные открытки, на которых мелким почерком коротко рассказывали о последних событиях в своей жизни.

– Остановишься у Александра Марковича, – сказала бабушка маме.

– Не надо, сама разберусь, – огрызнулась та.

– Георгий сказал.

Это была решающая фраза. «Георгий сказал». Когда нужно было найти управу на маму, бабушка всегда шла к Георгию и возвращалась с фразой: «Георгий сказал сделать так-то...» Мама всегда подчинялась. Так что мама не только покоряла столицу, но и была свидетельницей всех дальнейших событий, произошедших в жизни бабушкиного друга.

Александр Маркович в ту пору был страстно влюблен в певицу музыкального театра – женщину с мощной диафрагмой и формами. Влюбился так, что дышать не мог. В прямом смысле слова – в груди при вдохе перехватывало, боль отдавала в поясницу. А поскольку Александр Маркович играл в оркестре того же театра на гобое, то пришлось взять больничный.

– Понимаете, доктор, это все любовь, – откровенничал он с врачом-терапевтом. Ему очень хотелось поговорить хоть с кем-нибудь о Ней. – У всех любовь с первого взгляда, а у меня с первого вдоха. Доктор, скажите честно, у меня есть шансы? Вы посмотрите на меня. Посмотрите. Вы думаете, она на меня не посмотрит? Я тоже так думаю.

Врач все это время сидел со стетоскопом в ушах и ничего не слышал.

- Невралгия, этот эскулап сказал, что у меня невралгия! Он мне будет рассказывать про невралгию! - жаловался Александр Маркович единственному другу - Первой Скрипке.

- Наливай, - сказал Первая Скрипка.

- Я для нее слишком старый? - спрашивал Александр Маркович после очередной рюмки.

- Не-е-е! - искренне отрицал Первая Скрипка.

- Она замужем, ничего не получится, - вздыхал Александр Маркович.

- Ой, жизнь такая штука! - совершенно по-бабьи вздохнул Первая Скрипка.

Каким-то чудом Александр Маркович отбил возлюбленную у ее тогдашнего, третьего по счету мужа - баритона того же театра, - и женил на себе.

Еще целый год после этого он просыпался по ночам и трогал рукой другую половину кровати, проверяя, сон это или она действительно спит рядом. Слушал, как она глубоко вздыхает, чуть похрапывая, и боялся пошевелиться от счастья. Как-то он проснулся ночью, привычно похлопал по одеялу и понял, что спит один. Он выскочил в коридор с пронзительным криком раненого животного, где и наткнулся на жену, выходящую из туалета.

- Ты с ума сошел? - испугалась она.

- Ты здесь, ты здесь... я подумал, что ты меня бросила.

- Ночью? С ума сошел? Пошли спать.

Весь следующий год он уговаривал жену родить ребенка.

- Ничего потом не делай, я все сам. Только роди, - умолял он.

Она боялась испортить голос, фигуру и карьеру. Говорила, что не любит детей и пока не готова к пеленкам.

Александр Маркович заламывал в отчаянии руки, но неожиданно «помог» бывший муж-баритон – его новая жена, танцовщица кордебалета, родила ребенка. Певица хоть и делала вид, что ей все равно, но безуспешно. Ей было совсем не все равно. Она была просто возмущена. Как он мог так быстро устроиться? И танцовщица молоденькая, лет на десять младше. И теперь этот баритон ходит по театру, улыбаясь как идиот, и принимает поздравления. А костюмерша сплетничала, что баритон оказался прекрасным папашей – и по ночам встает, и пеленки стирает, и жену на руках носит.

– Я готова, – сообщила певица Александру Марковичу в один из вечеров.

– К чему? – испугался он.

– К тому, чтобы стать матерью, – раздраженно сказала она.

Но забеременеть сразу, как она хотела, не получилось. И через месяц не получилось.

– Мусичка, – говорил Александр Маркович, – не надо расстраиваться, это еще совершенно ничего не значит.

– Конечно, не значит, – возмущалась она, – а кто говорит, что значит?

Через год безуспешных попыток зачать певица перестала ходить по врачам и даже стала спокойно реагировать на кулуарные сплетни про себя, баритона и Александра Марковича.

– Да езжайте вы к Варжетхан или к Зарине, – сказала моя мама, которая жила у них в маленькой комнате, бывшей кладовке.

– К кому? – удивилась певица.

– Это гадалка и знахарка у них в деревне, – объяснил Александр Маркович, – Мария мне про них рассказывала.

- Они и не такое лечат, - подтвердила мама.

- Поехали, Мусичка, - попросил Александр Маркович, - как будто в отпуск, тебе нужны новые впечатления, в горы съездим, там так красиво, а не захочешь, не пойдём ни к каким знахаркам.

- Ну поехали. Мне все равно.

Из поездки певица вернулась уже беременной. То ли горы помогли, то ли Зарина с Варжетхан - бабушка сводила певицу к обеим...

Александр Маркович еще несколько месяцев просыпался по ночам и трогал живот жены - вот он, есть, растет... Никак не мог поверить.

- Мусичка, иди покушай, - говорил он жене. - Мусичка, пойдём погуляем. Мусичка, чего тебе хочется?

Беременность она переносила легко, в отличие от Александра Марковича, который страдал нервическим токсикозом, изжогой, мучился поясницей, переменами настроения, страхами, бессонницей и расстройством аппетита. В женской консультации, куда Александр Маркович сопровождал жену, он с интересом и ужасом слушал рассказы женщин, сидящих в очереди, - про замершую беременность, невынашиваемость, выкидыши, родовые травмы. Ночью он лежал без сна и просил неведомого Бога, в которого не верил, чтобы жена доносила и родила здорового ребенка.

Втайне он мечтал о девочке - маленькой, пухленькой, с беленькими, льняными волосиками. Чтобы была похожа на жену. Такая же красавица.

- Ты понимаешь, это единственная женщина, которая будет любить меня всегда, - говорил он Первой Скрипке, когда они «по-тихому» отмечали «событие».

- Да, потому что ты отец, - кивал Первая Скрипка, - девочки - они лучше мальчиков. Она и приготовит, и рубашку погладит.

– Точно. И обнимет. Девочки – они же ласковые, – чуть не плакал Александр Маркович.

– А ты с чего взял, что девочка будет?

– Не знаю, так чувствую.

– Ну, тогда точно девка. Сердце не обманешь. Давай выпьем за женщин!

В начале третьего триместра Александр Маркович совсем занервничал. Ему казалось, что сейчас, на финишной прямой, можно что-то упустить, недоглядеть – это ведь такой ответственный период! А врач в женской консультации к жене не так внимательна, как могла бы быть. Врач без конца говорила по телефону и куда-то надолго убегала, закрыв кабинет.

– Может, нужно сдать еще анализ? – спрашивал врача Александр Маркович. – Вы уверены, что все протекает благополучно? А то, что живот не такой большой для нашего срока, – это нормально? А еще ребенок может не двигаться несколько часов. Да, Мусичка? И еще спину тянет. Вы ничего не назначите?

Врач раздраженно выписывала рецепт на витамины.

– Вы уверены, что этого достаточно? – спросил с вызовом Александр Маркович.

– Папаша, вы уже всех замучили, – не сдержалась врач, – и меня, и жену, и будущего ребенка. Не нравится – переходите на другой участок.

– И перейдем!

– И переходите!

– Мы будем искать другого врача, более внимательного к пациентам! – крикнул на прощание врачу Александр Маркович. – Если бы я так играл, как вы лечите, я бы давно вылетел из театра! Вы позорите профессию!

Жена в это время спокойно сидела на банкетке и читала книгу. Она относилась к своей беременности совершенно равнодушно, что очень удивляло Александра

Марковича. Ведь она так сильно хотела иметь ребенка. И теперь совершенно не переживает. Он списывал все на защитную реакцию психики – беременные ведь немного заторможенные и неадекватные.

Александр Маркович использовал все свои немногочисленные связи и нашел «хорошего» врача.

– Да не волнуйтесь вы так, – сказал тот, – жена ваша совершенно здорова. Беременность протекает без патологий. Все будет в порядке.

– Доктор, я еврей, почти старый. Как я могу не волноваться?

Этот врач подарил Александру Марковичу одно из самых сильных ощущений в жизни. Он приложил к животу прибор и из маленького динамика донеслись сначала шумы, а потом ритмичные звуки.

– Слышите, сердечко хорошо стучит, – сказал врач.

Александр Маркович уже не пытался сдерживаться. Он сидел и беззвучно плакал.

– Ну-ну. Что такое? – удивился врач такой реакции.

– Извините, доктор. Это все нервы, – утер слезу будущий отец.

Несколько недель до родов стали для него настоящим испытанием. Он нервничал так, что даже начал заикаться. Спать перестал давно – так переживал.

Он переехал в гостиную, оставив жену в спальне – она жутко храпела и, разметавшись, занимала почти всю кровать. Но в гостиной Александр Маркович не мог спокойно уснуть. Стоило жене затихнуть за стенкой, как он подскакивал и бежал смотреть, все ли в порядке. К тому же он очень боялся преждевременных родов.

– Мусичка, ну послушай, ради меня, – просил он и зачитывал ей из справочника признаки начала родовой деятельности.

Жена равнодушно слушала.

Иногда Александра Марковича даже пугало такое спокойствие жены, но он переключался на другие заботы. Жена ушла в декретный отпуск. Александр Маркович после спектакля мечтал побыстрее оказаться дома. Когда ему удавалось закимарить в метро, ему снилось, что жену увозят на «скорой» – не в тот роддом, не к тому врачу.

– Я же здесь, не волнуйтесь, – пыталась успокоить его моя мама.

– Ты – молодая девочка, совсем ребенок, что ты можешь? – отмахивался Александр Маркович.

– Не понимаю я тебя, – сказал Александру Марковичу Первая Скрипка, стоя в очереди в буфете, – что ты с ней так носишься? Все рожают, и она родит. Обычное дело.

– Ты не знаешь, какие случаи бывают. – Александр Маркович с жаром начал рассказывать все, что услышал в консультации.

– Может, по пятьдесят? – спросил Первая Скрипка. Он смотрел на друга с жалостью.

– Нет-нет. Мусичка не переносит запах алкоголя.

– Давайте мы положим вашу жену заранее, – предложил врач, когда во время очередного визита увидел Александра Марковича с черными кругами вокруг глаз и сумасшедшим взглядом.

– Зачем? Что-то не так? – Александр Маркович дернулся, как испуганная лань.

– Все так. Чтобы вам было спокойнее. А то вы и сами изведетесь, и жену замучаете, – засмеялся врач.

– А можно? А то, знаете, доктор, я как представляю, что начнутся схватки и я не смогу от волнения вызвать «скорую» или что-нибудь случится. Мусичка, ты

ляжешь заранее?

Жена, как всегда безучастно, рассматривала плакаты на стене кабинета.

– Она ляжет, – сказал Александр Маркович, – ой, а как же я узнаю, что роды начались?

– Я вам позвоню, – пообещал врач, – или звоните в справочную.

– Хорошо, да, так будет лучше. Еще я хотел попросить об одолжении. Мусичка, ты иди, я тебя догоню.

Жена встала и послушно вышла в коридор.

– Доктор, она такая чувствительная. Она – певица. У нее такой голос – вы себе не представляете, – кинулся к врачу Александр Маркович, – нельзя ли какое-нибудь обезболивание? Она этого не перенесет. У нее тонкая нервная организация... За любые деньги!

– Мне кажется, это вы не перенесете, а не она, – ухмыльнулся врач, – не волнуйтесь, все будет в порядке. Вот, держите.

Врач дал Александру Марковичу две таблетки.

– Что это?

– Мягкое снотворное. Хоть поспите немного. Силы вам еще понадобятся.

Александр Маркович спал. Спокойным, беспробудным сном. Без сновидений. Впервые за долгие месяцы. Он проспал, храпя и разметавшись на кровати, часов четырнадцать.

В эту ночь, ближе к рассвету, жена благополучно родила мальчика. Мальчик был похож на мать как две капли воды.

– Поздравляю, – разбудила Александра Марковича моя мама, – мальчик, три сто, пятьдесят сантиметров.

– Какой мальчик? – не сразу понял он.

– У вас мальчик родился.

– Мальчик???

«Мусичка, я тебя люблю. Спасибо тебе за мальчика. Спасибо, спасибо. Тысячу раз спасибо. Целую твои руки», – писал жене в роддом Александр Маркович.

На выписке он вцепился в кружевной конверт на пороге роддома и выпустил из рук только после того, как ребенок раскричался – пришло время кормления.

– Как мы его назовем? – спросил жену он.

– Не знаю, как хочешь, – ответила жена, – мне имя Сережа нравится.

– Что ни рожа, то Сережа... Нет. Давай Мотей назовем? Меня в детстве так папа звал – Мотя.

– Тетя Мотя... мне не нравится. Давай Гошей – в честь моего деда.

– А у него судьба счастливо сложилась? Знаешь, имя ведь несет определенный смысл, да еще родовая память...

– Неужели ты веришь в эти условности? Хорошо у него судьба сложилась.

– Хорошо, хорошо, Мусичка, как скажешь... Гоша, ты у нас Гоша? – засюсюкал тут же Александр Маркович. – А кто такой мальчик золотой? Гоша? А чья ты радость? Папина и мамина?

– Вот уж не думала, что ты такой сентиментальный... – обронила жена.

Две недели после роддома показались Александру Марковичу адом. Он боялся ежесекундно. Не мог спать. Подходил к кроватке и проверял – дышит ли Гоша. Он даже радовался, когда Гоша подхныкивал – значит, все в порядке. Доходило до абсурда, и Александр Маркович это понимал. Ему вдруг казалось, что Гоша слишком долго спит или слишком тихо спит. Он подходил и будил мальчика. Гоша просыпался встревоженный и начинал плакать. Приходилось брать его на руки и снова укачивать.

– Ну прости, мой золотой, прости, – шептал Александр Маркович сыну, – папа просто испугался. Очень испугался.

Однажды жена застала его с зеркальцем в руках.

– Что ты делаешь?

– Мусичка, это просто ужас какой-то, – делился он с женой, – дети так глубоко спят... даже не шевелятся. Мне так бывает страшно... Ничего не могу с собой поделаться. Вот, будить не хочу, а зеркальцем проверяю – дышит или нет. Видишь, запотело зеркальце. Все хорошо. Это все эмоции... не могу поверить, что мне такое выпало... Ты меня понимаешь?

Жена не отвечала. Она стояла в профиль перед большим зеркалом и критично рассматривала свой растянутый беременностью живот, целлюлитные бедра и огромные налитые груди.

– Боже, на кого я стала похожа? Кошмар какой-то... – шептала она.

– Что ты говоришь, Мусичка? – очнулся Александр Маркович.

– Я говорю, похожа бог знает на кого!!! – закричала жена.

– Тихо, тихо, ты Гошу разбудишь! Что ты выдумываешь? Ты такая красивая!!! – искренне удивился Александр Маркович.

– В каком месте я красивая? – продолжала кричать жена. – Как я на сцену такая выйду?

- Это же все пройдет... скоро... ты же ребеночка родила, не просто так...

- Мне нужна массажистка, срочно, - решила жена, - и надо сесть на диету.

- Мусичка, что ты такое говоришь? - ахнул Александр Маркович. - Доктор сказал, что ты должна полноценно питаться. Чтобы молоко было хорошее. И на диету тебе никак нельзя. И массаж пока тоже нельзя - ты еще не восстановилась. И нервничать нельзя - ты же кормишь.

- И что, я должна ходить коровой, пока кормить не перестану?

- Почему коровой? Какой коровой? Ты такая у меня красавица!

Жена села на кровать и горько заплакала. Александр Маркович был к этому готов - доктор говорил, что у женщин после родов бывают срывы, перемены настроения и что это пройдет...

- Ну-ну, перестань, - успокаивал жену Александр Маркович. Он гладил ее одной рукой, а другой держал все-таки проснувшегося Гошу. В этот момент он подумал, что жену он гладит совсем не с тем чувством, с которым держит ребенка. Такое бывает у женщин, когда они, родив, понимают, что муж им не нужен. Главное - чтобы было это счастье, этот маленький ребенок. И главное, чтобы ребенок покакал. И тогда - счастье. И вся любовь, все внутренности, все сердце перетекают в левую руку, в сгиб локтя, на котором лежит голова ребенка.

Александр Маркович спускал ребенка с рук и метался по квартире, пытаясь переделать все дела - сходить в туалет, помыться, поесть... А потом вновь облегченно укладывал Гошу себе на локоть. Он смотрел на мальчика и краем пеленки вытирал глаза. Ничего не мог с собой поделать - начинал плакать.

- Мусичка, смотри, какие у него реснички, - подносил он ребенка жене.

Жена смотрела равнодушно.

- А ты его понюхай. Вот здесь, где височек. Правда, вкусно? А поцелуй... вот сюда, в переносицу, ему нравится.

– По-моему, он покакал, – отвечала жена, принюхавшись.

– Сейчас все поменяем, сейчас, – ворковал Александр Маркович и застывал, уткнувшись носом в детскую головенку. Он вдыхал и выдыхал этот запах и никак не мог надышаться. А еще он хотел запомнить этот запах. На всю жизнь, понимая, что больше такого шанса у него не будет. На что похожа эта сладость? Чем пахнет младенец? Молоком? Молоком с медом? Солнышком? Александр Маркович даже злился, понимая, что никогда не сможет воссоздать этот запах.

Прижав к себе сына, он впадал в оцепенение, вывести из которого его мог только Гоша, который требовал или еды, или смены пеленок. «У тебя все будет хорошо. Я обещаю. Ты будешь самым счастливым мальчиком, – мысленно обращался он к сыну, – я все сделаю, все, что от меня будет зависеть». Гоша хватал отца ручонкой за палец и засыпал. Александр Маркович осторожно целовал эту маленькую ручку с такими длинными красивыми пальчиками.

– Скажи, мальчик красивый, – говорил он жене.

– Красивый. Все маленькие дети красивые, – отвечала она.

– Нет, Гоша не все. Он самый красивый. Я таких младенцев больше не видел. Смотри, какие у него умные глазки. Как он смотрит. Взрослый, осмысленный взгляд. Он будет очень талантливым. Я это чувствую!

Александр Маркович был фанатичным отцом. Поздний ребенок – самое натуральное помешательство. От счастья тоже можно сойти с ума.

Александр Маркович стал подозрительным и въедливым. Он доводил участкового педиатра вопросами о режиме дня, воспитании и детских болячках. Участковой хватало терпения рассказывать по несколько раз одно и то же и уверять, что у Гоши все хорошо. Александр Маркович врачу и верил, и не верил. Он набрал в библиотеке книг по воспитанию, вооружился медицинским справочником и поднял на ноги всех знакомых в поисках «специалиста».

– А то, что он срыгивает, это нормально? – строго спрашивал Александр Маркович очередного «очень хорошего» рекомендованного врача. – А какой именно должен быть стул? Какой консистенции? Как пластилин или как каша? А цвет – болотный или травяной? А сколько именно он должен съесть за

кормление?

Дома Александр Маркович мучил Гошу. На взятых на прокат медицинских весах он взвешивал сына до и после кормления, все аккуратно записывал в блокнот и, морща лоб, высчитывал съеденное за сутки.

- Вчера он не доел двадцать граммов, - сообщал Александр Маркович жене.

- Ну и что?

- Как что? Сегодня не доел двадцать граммов, завтра еще двадцать, мы так не наберем месячную норму!

- По-моему, он нормально ест.

Однажды Александр Маркович накричал на жену. Впервые за всю совместную жизнь. Гоша плакал во время кормления, выплевывал грудь, крутил головой, опять хватал сосок и выплевывал.

- Гошенька, что, что не так? - прыгал над женой и сыном Александр Маркович. - Что с ним такое?

- Не знаю. Может, не хочет?

- Ему пора есть. Он хочет. Ему молоко не нравится.

- Что значит - не нравится?

- Мусичка, что ты ела? Чеснок ела? А лук? Нет? А острое или жирное?

- Ничего я не ела. Только ту запеканку, которую ты сделал! - начинала сердиться жена.

- Вспомни, может, ты колбасы съела? А кофе пила?

- Нет! Все, хватит. Проголодается - поест, что ты панику поднимаешь?

– Надо разобраться, из-за чего он плачет. Если из-за молока – это одно, а если у него живот болит, то надо к врачу ехать.

– Я таблетку от головы выпила, – призналась жена, – две сразу...

– Как ты могла? – тихо сказал Александр Маркович. Выражение лица у него в этот момент было страшное. Он мог убить не задумываясь.

– У меня голова раскалывалась. Я терпела сколько могла, – начала оправдываться жена, – в конце концов, всего две таблетки, ничего такого... может, молоко горчит немного.

– Немного горчит? Голова у тебя болела?

Александр Маркович дико вращал глазами и наступал на жену. Она пятилась к окну, думая, что муж точно свихнулся от своего отцовства.

– Ты могла его отравить... ты не понимаешь... лекарства в период лактации... это очень опасно... это ты опасна... для Гоши... – Александр Маркович продолжал наступать. Жена зажмурилась, готовая ко всему.

Из транса Александра Марковича вывел Гоша, который до этого тихо подхныкивал и вдруг разразился резким, громким криком. Жена схватила сына и приложила его к груди. К счастью, Гоша взял грудь и начал сосать.

– Прости меня, – тихо сказал Александр Маркович, – я совсем с ума сошел.

Жена хотела сказать что-нибудь едкое в ответ, но благоразумно промолчала. Она больше не была его любимой женщиной. Она была матерью его обожаемого сына.

Вечером, когда Гоша был уложен, Александр Маркович принес жене чашку чая в постель, чего не делал после рождения сына.

– Спасибо, – сказала жена. Она была тронута.

- Мусичка, прости меня, - сказал он.

- Ничего. Тебе поспать нужно. Это от недосыпа.

- Да, конечно.

- Спи, я встану к Гоше ночью, - великодушно предложила жена. Вставать ей совсем не хотелось, но она понимала, что мужу нужна передышка, иначе в следующий раз он ее точно убьет из-за какой-нибудь мелочи. - Ты только разбуди меня, если я не услышу.

- Ты? Встанешь? Зачем? - испугался Александр Маркович. - Не надо, я сам. Спи. Тебе нужно выспаться, чтобы молоко было.

Неизвестно, чего больше боялся Александр Маркович - того, что у жены молоко пропадет, или того, что он потеряет контроль над ситуацией хотя бы на несколько часов. На жену надежды не было. Она обладала на удивление здоровой психикой и на сон не жаловалась. Легко и быстро засыпала, глубоко спала, вставала выспавшаяся. Не слышала шума улицы, криков соседей. Могла спать при свете и незадернутых шторах. Александр Маркович просыпался, стоило Гоше пошевелиться под пеленкой. Жена просыпалась, когда Гоша начинал плакать. Но эта особенность имела и обратную сторону. Александр Маркович с хроническим недосыпом мог работать, соображать и не кидался на людей. Она же, привыкшая к полноценному непрерывному девятичасовому сну, ходила вареная, отупевшая и злая целый день, встав на два часа раньше обычного.

- Гоша сегодня ночью бурчал, - говорил утром Александр Маркович.

- Да? Я не слышала...

- Мы ушли, чтобы тебя не будить. Мы и песни пели, и гуляли... потом подремали немного вместе.

Жена ничего не слышала. Она даже не слышала, как вставал муж и подходил к сыну, хотя кровать стояла с ее стороны кровати.

- А сколько нужно детей грудью кормить? - спросила она, решив зайти издалека.

- До года - точно. Это же иммунитет на всю жизнь, - ответил Александр Маркович. - А что?

- Ну, бывает же так, что молока мало или оно пропадает... - осторожно продолжила жена. - И ничего, дети вырастают на смесях. Нормальные...

- Ага, все в диатезе и болячках. Даже слышать не хочу. Бедные, бедные... Да таких родителей... не знаю, что с ними надо делать.

- Но послушай, - возмутилась жена, - нельзя так говорить. Бывают операции у женщины, стрессы, трагедии, мало ли что, она же не виновата, что молоко пропало...

- В таких случаях - да. Но у нас такого не будет, правда, маленький, - привычно засюсюкал Александр Маркович, - мы будем молочко кушать. Вкусное, полезное. А не всякие гадкие смеси...

- Не сюсюкайся, - оборвала его жена, - не люблю. И почему ты говоришь «мы»?

- Не сердись, Мусичка...

Стоило Гоше раскричаться больше обычного и поплакать подольше, Александр Маркович прижимал мальчика к груди и несся в поликлинику.

- На что жалуетесь? - устало спрашивала врач.

- Он плачет! - говорил Александр Маркович так, как будто сейчас обрушится мир.

- Это колики, дайте укропной водички, приложите на животик теплую пеленку, - успокаивала его врач.

Александр Маркович смотрел на нее подозрительно, не веря, что у его мальчика какие-то банальные колики.

В один из дней ему показалось, что Гоша слишком теплый и у него температура. Александр Маркович сверился с литературой и измерил температуру – как советовал справочник, ректально. Градусник показал почти тридцать девять. Александр Маркович чуть не лишился чувств. Он позвонил в «скорую» и, заикаясь, просил приехать. Видимо, дежурная поняла, что отец в предынфарктном состоянии – «скорая» приехала через десять минут.

– А где мать? – спросил врач, осмотрев Гошу.

– За-за-зачем? – продолжал заикаться Александр Маркович. – Зачем вам именно мать? Что-то с ребенком? Скажите мне! Он болен? Не скрывайте ничего! Что с ним? Скажите! Я должен знать! Пусть самое страшное...

– Есть еще кто-нибудь в доме, – выдохнул врач, – более спокойный и адекватный...

Александр Маркович позвал жену.

– Вот рецепт, – сказал ей врач, – ничего страшного. ОРВИ. Вы где температуру мерили?

– Это не я, – ответила жена.

– Я мерил. Ректально. А что? – подал голос Александр Маркович.

– Все с вами ясно, – ответил врач, – там всегда выше.

– В каком смысле?

– В прямом! Вам прописывать успокоительное или в доме есть?

В результате разочарованный и оскорбленный официальной медициной Александр Маркович нашел частного врача, которому мог звонить в любое время по любому поводу.

– Мы не какали! Гоша сучит ножками! – звонил он ему.

– Мы какали уже три раза. Это понос? – звонил он на следующий день. – Что вы посоветуете, доктор?

– Выпить валерьянки и поспать, – ответил врач.

– Кому? Гоше валерьянку?

– Нет, вам.

– Доктор, вы все шутите...

– Я не шучу.

Каждые три часа Александр Маркович будил жену, прикладывал сына к ее груди. Она срывалась:

– Я не могу больше! Я не свиноматка! Не хочу! Мне больно!

– Мусичка, ну тихо, тихо... Что ты? Испугаешь нашего мальчика... давай я тебе подушечку подложу... так будет удобнее...

– Ты хотел ребенка, ты его и корми!

– Не кричи, ты его испугаешь. Покорми, и мы пойдем... Да, мой хороший? – агукал Александр Маркович с Гошей на руках. – Пусть мамочка поспит...

Он перенес кроватку в гостиную, где сам спал на узком продавленном диване.

Моя мама к тому времени давно переехала в общежитие института (она все-таки поступила на юрфак) – там было спокойнее... После квартиры Александра Марковича общага показалась маме тихим райским уголком.

– Я вас провожу, – сказала певица, когда доктор пришел к ним в очередной раз.

Александр Маркович даже обрадовался, решив, что жена хочет еще раз обсудить с врачом проблемы ребенка.

– Скажите, доктор, если женщина перестанет кормить, с ребенком все будет нормально? – спросила она.

– Да, он будет находиться на искусственном вскармливании, – ответил врач, – никаких проблем. Конечно, ценность грудного молока...

– А вы не могли бы сказать моему мужу, что у меня мало молока или что оно плохое? – перебила она врача. – Поймите меня, я больше так не могу. Ни физически, ни морально. Он мне не поверит, а вас послушает.

– Я вас отчасти понимаю... но не могу взять на себя такую ответственность. Молока у вас много, Гоша растет здоровенький. Да и вам будет тяжело. Грудь может болеть. И в будущем это может спровоцировать заболевания...

– Доктор, будущее меня мало волнует. А сейчас, если я не выпью вина, кофе и не съем колбасы, то сойду с ума. В любом случае я вас предупредила – кормить больше не буду.

– Только сначала сцедитесь и в этот день ограничьте себя в жидкости. Если грудь будет болеть – капусту приложите, – сказал врач и сел в машину, – я ничего не знал о вашем решении...

– Спасибо.

В очередной раз, придя в спальню к жене, Александр Маркович увидел, как та перематывает грудь эластичным бинтом.

– Что ты делаешь? – испугался он.

– Все. Хватит. Пусть смесь ест.

– Ты – преступница, – процедил Александр Маркович.

– Давай я сделаю вид, что ничего не слышала, а ты сделаешь вид, что ничего не говорил, – прошептала певица. В этот момент Александр Маркович понял, что потерял ее навсегда.

Жена быстро восстановилась и вернулась к прежнему образу жизни – с работой, репетициями, дружескими посиделками, поездками за город...

Александр Маркович несколько дней с женой не разговаривал, а потом решил, что в ее отказе от кормления больше плюсов, чем минусов.

Самому себе он мог признаться – он дико ревновал Гошу к матери, когда она кормила грудью. В тот момент, когда Гоша хватал материнский сосок, а она прижимала его, чтобы было удобнее, Александр Маркович понимал, что мать и ребенок – одно целое. И про связь на всю жизнь через пуповину понимал. «Как можно от этого отказываться?» – думал он, пытаясь понять жену.

А теперь Гоша был только его. Александр Маркович кипятил бутылочки, дырявил раскаленной иглой соски, разводил смесь и кормил. Гоша окончательно «переехал» к отцу в гостиную. Жена не пыталась вмешиваться, за что Александр Маркович был ей благодарен.

– Тебе нужно высыпаться и не нервничать, – сказал он ей, забирая из спальни оставшиеся детские вещи.

Первая осознанная улыбка сына досталась ему. Александр Маркович в четыре утра наклонился над Гошей, чтобы поменять пеленку. И в этот момент мальчик улыбнулся. Александр Маркович еще долго стоял около окна, держал на руках ребенка, тихо плакал и знал, что этот момент и ощущения – четыре утра, серость за окном, холодный пол и тепло маленького тела – он запомнит на всю жизнь.

Утром он разбудил жену.

– Мусичка, он улыбнулся мне. Гоша, улыбнись маме. Это мама. Ну?

Мальчик беспокойно крутил головой.

– Наверное, он просто голодный. Потом он тебе обязательно улыбнется, – пообещал он жене.

– Что случилось-то? – спросила жена.

– Я же тебе говорю, – опешил Александр Маркович, – Гоша улыбается. Он мне улыбнулся.

– Хорошо. Я рада.

– Нет, он совершенно осознанно, а не рефлекторно, – тараторил в радостном запале Александр Маркович, – он меня увидел и узнал. Точно.

– Хорошо, чего кричать-то? Я поняла – улыбнулся...

– Ты просто еще не видела, поэтому не радуешься, – обиделся Александр Маркович.

– Я радуюсь...

Александр Маркович в течение дня еще несколько раз подносил Гошу к матери.

– Улыбнись мамочке, – просил он, – вот наша мамочка. Мамочка у нас красивая. Надо ей улыбнуться.

Но Гоша улыбаться не хотел. И тогда Александр Маркович решил, что Гоша больше любит его, и был совершенно счастлив.

Обстановка в доме перестала быть благостной, когда Гоша отказался засыпать на руках у матери. Тогда как на руках отца тут же затихал.

– Это ты виноват, – сказала жена, пытаюсь укачать плачущего и вырывающегося сына, – с рук не спускаешь, вот он и просится. А приучил бы засыпать в кроватке, всем было бы проще.

Александр Маркович кивал, соглашаясь, но не мог скрыть радость – Гоша без него не может, Гоше он нужен.

– Мусичка, не трясги его так. У него голова даже свешивается. Дай мне, – попросил он.

– Так, я мать или кто? – возмутилась жена уже всерьез. – Я что, своего собственного ребенка не могу уложить?

Через пять минут она сдалась – Гоша продолжал истерично кричать и вырываться.

– На, держи, – сказала она Александру Марковичу.

Гоша почти сразу уснул.

– Конечно, столько кричать, уснешь... – прокомментировала жена.

Александр Маркович видел, что она обиделась, не мог не видеть. И понимал, что так нельзя. Но ничего не мог с собой поделать.

Серьезный конфликт возник очень скоро. Александр Маркович пошел на молочную кухню, где договорился, что будет покупать грудное молоко. Было дорого, но Александр Маркович готов был платить сколько угодно.

– А у вашей супруги пропало? – спросила бабуля, которая работала на «молочке».

– Да, – ответил он.

– Бедная, страдает небось, бедняжка. Вот ведь как бывает – у одной хоть залейся, в ванную сцеживают, а у другой – кот заплакал.

Эта же бабуля и предложила покупать грудное молоко. Александр Маркович позвонил врачу, который поддержал идею. Но жене он сказать не решался. Сам не понимал почему.

– А что это в бутылке у нас? – спросила жена. В холодильник она заглядывала редко.

– Молоко Гошино, – ответил Александр Маркович.

- Что-то оно пахнет как грудное...

- Оно и есть грудное.

- Как это? Откуда?

- Покупаю на молочной кухне.

- Что значит - покупаю? Там его что, в пакетах продают, как коровье? Ты в своем уме?

- Мусичка, что ты разнервничалась так? Что такого?

- Как что такого? Женщины - не дойные коровы. Это ненормально! И потом - ты хоть знаешь, что эта женщина ела, что пила? Ты меня за таблетку анальгина чуть не убил, а у незнакомой тетки покупаешь... Бред какой-то. У нас же не Средневековье... Грудным молоком торгуют... С ума все посходили... Скоро детьми торговать начнут и вынашивать на продажу...

- В конце концов, вспомни историю. Были же раньше кормилицы... и молочные братья. - Александр Маркович искренне не понимал, что так возмутило жену. Она иногда поражала его своим восприятием событий. Так, супружескую измену не считала таким уж большим грехом, зато предательство коллеги в рабочем вопросе не прощала. Или могла целоваться с кем угодно, зато пить из чужой чашки не стала бы, даже если бы умирала от жажды.

- А врач что сказал? - спросила она.

- Он полностью поддержал. Понимаешь, Мусичка, в материнском молоке содержатся такие компоненты, которые наука еще не научилась воссоздавать... Они уникальны...

- Извини, но для меня это невыносимо. Он нашел кормилицу... Это же чужое...

Не будь Александр Маркович так занят сыном, он бы заметил, что жена после этого конфликта стала все больше отдаляться от него. Они почти не разговаривали, да и виделись мало. Не заметил Александр Маркович и того, что

во время редкой интимной близости жена брезгливо морщится и едва сдерживает отвращение. Как будто он ее заставил выпить чужое грудное молоко.

Не заметил он и начала бурного романа жены с коллегой-тенором, его не менее бурного развития, очнувшись только от факта, что жена подала на развод.

– Развод? – удивился Александр Маркович, всегда пугавшийся не столько жизненных перемен, сколько бюрократических процедур, с этим связанных. – Зачем? Это обязательно?

Жена вздохнула.

– Мусичка, а это не может подождать некоторое время? Сейчас ну совсем не кстати – у Гоши зубки режутся. Он плачет. Ты живи как тебе нравится, а потом с бумагами разберемся. А?

– Неужели тебя только это волнует? – спросила жена.

– А что? – не понял Александр Маркович.

– Ты понял, что я тебе сказала? Я с тобой развожусь. Все. Ухожу. К другому. Я тебе изменяла.

– Мусичка, я все понял, совершенно незачем кричать. Гоша только уснул.

– «Гоша, Гоша...» Ты что-нибудь, кроме ребенка, видишь? – рассердилась жена.

– Если честно, нет, – улыбнулся Александр Маркович.

Жена вздохнула.

– Понимаешь, мы решили уехать, – сказала она, – сейчас многие уезжают. Сначала в Израиль, а там посмотрим – в Америку или в Германию... Ты же знаешь, тут перспектив никаких. Нам нужно сесть и все обсудить. Всем троим.

Разговор наметили на следующий вечер.

Александр Маркович не спал всю ночь. Он буквально сходил с ума. Он не знал, как уговорить жену оставить ему Гошу, а представить свою жизнь без сына не мог. Если развод – это еще полбеды. Александр Маркович был уверен – ничего не изменится. Жена просто не уедет к другому мужчине с ребенком. Но отъезд за границу – совсем другое. Это не на гастроли в другой город на месяц уехать. Это на всю жизнь. В таких случаях детей забирают. Александр Маркович не мог сомкнуть глаз. Зато Гоша впервые за неделю спал спокойно. Александр Маркович стоял около кровати и чувствовал, как внутри начинается паника.

Он пошел на кухню и закурил. Не курил десять лет, а тут не выдержал. В голове крутились разные мысли. Сначала он решил подговорить тенора. Пусть тот выступит против Гоши. В конце концов, зачем ему ребенок на шею? А Александр Маркович ему за это заплатит. А если тенор откажется? А если жена узнает, что они договорились? Да и денег нет... Потом Александр Маркович решил спрятать сына и не отдавать. Уехать с Гошей в другой город, где их никто не знает, и начать жить сначала. Тоже глупо. Милиция обязательно найдет. Да и далеко с грудным ребенком не уедешь. Еще и с такой профессией, как у него. Кому в захолустье нужны гобоисты? И вообще нехорошо – жена будет нервничать. Подумает, что что-то плохое случилось.

Тогда Александр Маркович решил броситься к ногам жены и умолять оставить ему Гошу. Внутренне он был готов валяться и в ногах у тенора. Он вообще на все был готов. В комнате захныкал Гоша. Александр Маркович посмотрел на часы – пять тридцать. Пора кормить.

Вечером на пороге квартиры появился взволнованный тенор. Он с большим уважением относился к Александру Марковичу, считая его хорошим человеком и профессионалом, и ему явно было неудобно за создавшуюся ситуацию.

– Здравствуйте, – сказал тихо тенор и протянул руку, не рассчитывая, что соперник ее пожмет.

– Проходите, проходите, – радушно пригласил его Александр Маркович, вытерев руки кухонным передником, перед тем как пожать руку, – извините, у меня тут хозяйство да еще ребенок маленький...

Все расселись за круглым столом. Александр Маркович попросил себе место ближе к выходу – чтобы бегать к спящему Гоше, если тот заплачет. Жена разлила чай.

– Саша, послушай, – начала жена.

Сашей она называла его всего два раза в жизни – когда выходила замуж и когда сообщила, что беременна. А так умудрялась обходиться без имени. «Послушай, будь добр» и так далее. На работе же обращалась к мужу по имени-отчеству. Александр Маркович смотрел на стол и думал о том, что жена опять забыла положить на блюдце под чашку салфетку. «Неужели так сложно?» – привычно внутренне возмутился он.

– Саша, мы решили уехать. Так больше продолжаться не может, – профессионально глубоко вздохнув, произнесла жена. – Развод просто необходим, и надо сделать это быстро. У меня есть знакомая в суде, она обещала посодействовать, чтобы развели без проволочек. Но это в случае, если нет имущественных претензий и прочего. Если бы не было ребенка, все было бы проще.

Александр Маркович замер и стал смотреть в одну точку. Тенор нервно стучал пальцами по столу.

– Что ты молчишь? – спросила жена.

– Что? – встрепенулся Александр Маркович.

– Ты согласен? Без препятствий?

– Конечно, конечно. Безусловно. Ты же знаешь, как я не люблю эти органы и бумажки.

Жена замолчала. Тенор продолжал стучать по столу, выстукивая определенную мелодию. Александр Маркович гадал, что же за мотив. Что-то знакомое... под нее еще утреннюю гимнастику по радио передавали. Он начинал раздражаться, что никак не угадает, что за мотив, а спросить у тенора вроде как было неудобно.

– Да, что касается имущества... – продолжила жена.

Александр Маркович замахал руками, мол, какие разговоры...

– Мы ничего взять с собой не можем... – сказала жена, – а деньги нужны. Ты не будешь против, если я продам инструмент? Тебе же он не нужен...

Инструмент – рояль – был хороший. Очень хороший. Александру Марковичу было жалко с ним расставаться. В глубине души он мечтал, что однажды за ним будет сидеть Гоша.

– Конечно, как считаешь нужным. Если еще что-то... – Александр Маркович сделал широкий жест рукой.

– Нет... за мебель много не дадут... – задумчиво проговорила жена. – Хотя стенку можно продать...

Все снова замолчали. Тенор выстукивал новую мелодию, которую Александр Маркович опять не мог угадать. Он сознательно себя накручивал, чтобы возразить жене, когда она заговорит о Гоше. А еще надеялся, что она и вовсе не заговорит. Забудет.

– Саша... – сказала жена и замолчала, – нам надо решить с Гошей...

Александр Маркович глубоко вздохнул, хотел возразить, но задохнулся, закашлялся и не смог ни выдохнуть, ни вдохнуть. Он лежал на полу с открытым ртом и видел, как жена кричит тенору: «Воды, скорее! Валидол дай, вон там! Саша! Саша! О господи, что ж это такое? Надо «скорую».

– Не забирай у меня Гошу, – прохрипел Александр Маркович, поймав себя на мысли, что сцена похожа на эпизод из дешевой мелодрамы, – все что угодно, только оставь мне Гошу. Я же умру без него.

– Да никто его и не собирался забирать! – кричала жена, выдавливая валидол и засовывая Александру Марковичу таблетку под язык. – Куда я его заберу? На чемоданы? Я сама не знаю, как жить буду! Я хотела тебя попросить себе Гошу оставить. На время. Пока мы не устроимся. А потом что-нибудь придумаем, я его

заберу, конечно. Максимум через год. Но сейчас, ты же понимаешь. Ни работы, ни жилья... А там мы и тебе, и Гоше вызов пришлем. Обязательно.

Жена сидела на коленях рядом с Александром Марковичем, держала его голову у себя на груди, гладила и целовала в макушку.

– Что ж ты меня так путаешь? – приговаривала она. – Мне сейчас только твоего инфаркта не хватало.

– Спасибо, спасибо! – говорил Александр Маркович, целуя жене руку.

Тенор мерил шагами комнату и бросал оценивающие взгляды на рояль.

Александр Маркович думал, что Гошу он не отдаст ни через год, ни через два. У жены начнется другая жизнь, другие заботы, и будет не до Гоши.

Так, собственно, и было.

В этот момент, как будто чувствуя, что его судьба решена, из соседней комнаты подал голос Гоша. Жена с тенором переглянулись.

– Идите, – сказал жене Александр Маркович тоном доброго папеньки, который благословляет дочь на брак. Он встал, взял со стола выглаженную пеленку, улыбнулся тенору и пошел к сыну, который теперь был только его.

...С женой Александр Маркович сохранил теплые дружеские отношения. Жена осела в Германии. Звонила сообщить, что рассталась с тенором, просила совета по поводу контракта с местным театром, сообщала, что встретила достойного мужчину. Предлагала тоже выехать из страны. Александр Маркович вежливо, но твердо отказался. Жена спрашивала про Гошу, Александр Маркович рассказывал. Про то, чтобы забрать сына, жена не заикалась. А Александр Маркович не напоминал. Он рассчитывал, что мать «пригодится» Гоше, когда тот окончит школу и будет поступать. Александр Маркович мечтал, чтобы сын в будущем учился за границей. И надеялся в этом вопросе на бывшую жену.

От матери Гоша перенял не только «девичью» внешность, но и женский характер. А точнее, отсутствие такового. Гоша рос послушным мальчиком с

детскими пухлыми румяными щечками, узкими плечиками и внушительным женским задом, из-за чего казалось, что у мальчика есть талия. Александр Маркович не мог насмотреться на сына. Его восхищали и щечки, и румянец, и пухлая попка – показатель хорошего питания. Гоша был ласков, пуглив и впечатлителен, как девочка, о которой так мечтал Александр Маркович. Уже школьником Гоша залезал к отцу на колени и обнимал его за шею. Александр Маркович целовал теплую макушку сына и никак не мог смириться с тем, что его маленький мальчик так быстро вырос – носит тридцать шестой размер ботинок. Гоша боялся темноты, громких звуков и теней. И часто кидался к отцу, ища защиты в его объятиях. Александр Маркович понимал, что Гоша должен потихоньку избавляться от своих страхов, но не мог отказать себе в этом удовольствии – обнимал сына и успокаивал как маленького.

Александр Маркович, безусловно, был умным человеком. Он понимал, что Гоше нужна твердая рука, мальчишеские увлечения и некоторая брутальность. Пока увлечения сына были тоже девчачьими. Соседка, которую Александр Маркович просил иногда посидеть с Гошей по вечерам в дни спектаклей, научила мальчика плести макраме. Гоша с энтузиазмом плел кашпо для цветочных горшков. Александр Маркович увлечение одобрил, считая, что оно развивает пальцы. Но конечно, он не хотел вырастить из сына совсем уж девчонку и дарил ему мальчишеские игрушки – машинки и солдатиков. Сын аккуратно складывал игрушки в ящик и забывал о них. Зато когда соседка принесла ему коробочку бисера, Гоша целый вечер, не поднимая головы, нанизывал бусинки на длинную нитку.

– Что это будет? – спросил Александр Маркович.

Он увидел рассыпанный бисер, и в подреберье вернулась боль. «Гоша скучает по матери, – подумал он, – это он для нее делает. Что же я ему скажу?»

– Бусы, – ответил Гоша.

– А для кого? – спросил Александр Маркович, потому что не мог не спросить.

– Для тебя, конечно, – ответил сын удивленно. «С другой стороны, даже странно, что Гоша не вспоминает мать и никогда о ней не спрашивал, – думал Александр Маркович, глядя сына по голове, – это тоже плохо».

– Слушай, а что ты своему велик не купишь? Мой катается, не слезает, – сказал как-то Александру Марковичу Первая Скрипка.

Александр Маркович пошел покупать велосипед. По дороге домой он с ужасом думал, как будет учить Гошу кататься – он ведь и сам ездил плохо, вихляя рулем. Перед глазами одна страшная картина сменяла другую – Гоша упадет и сломает ногу, нога застрянет в спицах, сын упадет и разобьет голову.

– Вот, смотри, что я тебе купил, – объявил дома Александр Маркович.

Гоше не пришлось ничего говорить – Александр Маркович все понял по лицу. Сын был благодарен отцу за подарок и не хотел его расстраивать. Но у него не было никакого желания учиться кататься. Он хотел сидеть у себя в комнате и чтобы его никто не трогал.

Оставил Гошу равнодушным и другой «мужской» подарок отца – станок для выжигания. На него, кстати, Александр Маркович тоже долго настраивался, опасаясь за здоровье мальчика. Но Гоша послушно выжег на дощечке «Поздравляю папу с 23 Февраля» и цветок гвоздики, после чего аккуратно сложил прибор подальше в ящик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://telnovel.me/ru/masha-traub/plohaya-mat-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)